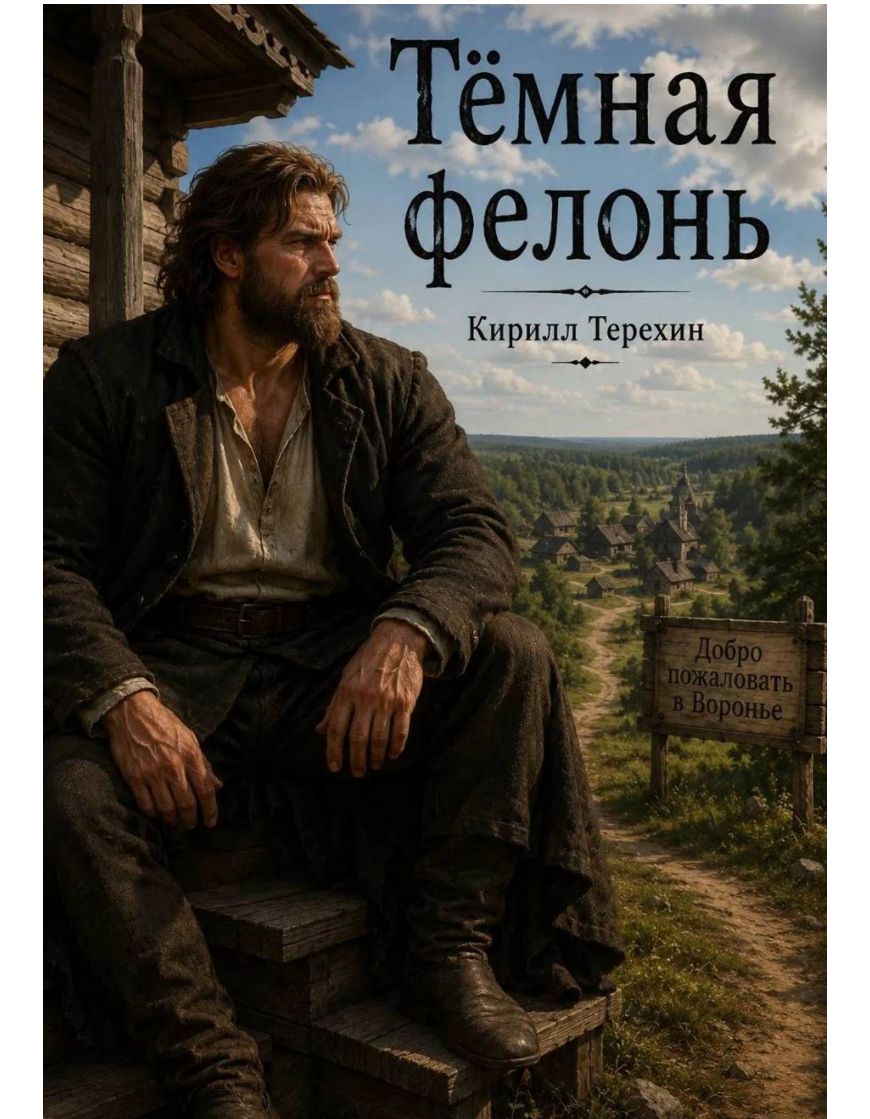

A movie poster featuring a man with a beard and long hair, wearing a dark coat and boots, sitting on a wooden bench. He is looking off to the side. In the background, there is a small village with a church and a sign that reads 'Добро пожаловать в Воронье'. The title 'Тёмная фелонь' is written in large, stylized letters at the top, and the actor's name 'Кирилл Терехин' is below it.

Тёмная фелонь

Кирилл Терехин

Добро
пожаловать
в Воронье

Кирилл Терехин

Темная фелонь

<https://litres.ru/74335199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Посёлок Воронье разделен на три мира: древние окраины, серые пятиэтажки с запуганными жителями и глянцевоый центр, за чистотой которого скрывается духовная мертвенность. На самом краю Воронья живет Гавриил — силач-богатырь с суровым взглядом, глубоким умом и таинственным семинарским прошлым.

Глубокая и пронзительная повесть о силе человеческого духа, цене верности, людском коварстве и тихом подвиге праведника в тёмной фелони.

ПРИМЕЧАНИЕ: данная работа является повестью!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	41
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кирилл Терехин

Темная фелонь

Глава 1

В часах–кукушках пробило полночь: время, когда солнце давно спустилось на высокие густые леса в горах. Солнце спит, закопало себя в этих лесных великанах, как прячется клещ в густых волосах человеческой головы. Так глубоко зарылось в кожу, что порою во времена бессонницы мұка думать о том, когда этот светящийся клещ снова возвысится на чистом голубом небе.

Ветер нежно и ласково со всем и всеми в ночное весеннее время. Она ласкает маленький прудик мыльный, создавая пенные волны; гладит густые листья сόсен и берёзы, создавая изумительную картину: как тень и зелень переливаются друг с другом; как тени перескакивают от одной зелени к другой. Ветер – важная часть природы, ибо от неё зависит, будет ли день буревестником, вьюжкой, ураганом или неженкой, как рука сухой кожи молодой девицы.

Совы, наши потайные собеседники в бессоннице, ругаются над тем, что нет вокруг, проходящих мимо, мышей летучих. Иногда, открыв окошко и слушая их ухукание в полном бессонном бреду, можно попросить: «Сова–подруга,

воскликнись три раза, если тебе тоже голодно и тоскливо» И мы, конечно, услышим их ухукание ласковое.

Сверчки снова ругаются между собой: всю ночь слышны их споры, вечерние сплетни в потаённых тавернах и барах. Их звоны либо весёлые и праздничные, либо же унылые и грубые: одни, кружа друг другу головы, танцуют вялые чечётки и вальсы под звон гитары и гармошки, а иные же сидят и играют в карты со стеклянными бутылками, в которых наполнены дети-мошки. Они ругаются, хитро смеются, уныло и печально вздыхают от иного проигрыша, попивая вкусоности из бутылок. А как же звонки и высоки трепетания детей сверчков! И даже не понятно: то-ли смеются от того, что их отцы и матери проиграли в карты, то-ли рыдают из-за того, что их родители снова вернулись в их маленькие домики...

Если заметить, то луна иногда ярче солнца. Либо она надевает какое-нибудь макси-платье цвета белого сыра или же одевает медное ожерелье, покрытое белизной, чтобы покрасоваться на улицах пустых перед сверчками; либо у неё просто яркое и даже замечательное настроение в блуждающее время. Обычно она скрывается за своими слугами, одетые ночным небесным пухом, чтобы не показываться на вид даже перед только что родившейся травинки. Сегодня же у неё, должно быть, по расписанию обед, в котором она питается бликами звёзд и наблюдает за сверчками или иными существами из своих невидимых окон.

Такая погода царствовала в сегодняшней ночи у посёлка

Воронье.

Посёлок был не так велик, как посёлки иной области, но имеет характерные схожие черты. На окраинах его заселены дубовые, сосновые и берёзовые избы. Сколочены они были явно опытными и знатными мастерами, если из-под деревянной крыши капали маленькие водяные кристаллы, понемногу затопляя жителей... Вокруг этих домов были выстроены заборы, крашенные в рисовый цвет, и даже в некоторых из домов были сотворены сады и огороды. Это уже строили явно не мастера, а живущие уже здесь дряхлые старички и старушки. Избы эти жили по-соседству с другими. Должно быть, было удобно старушонкам и дедушкам с дикими глазами рассказывать некие истории, тыкая кривыми дрожащими фалангами, как старик Макаров украл у соседа Гришина козлёнка, а потом спорили у кого и кто украл. Рассказывали даже, сидя на деревянных скамьях, как видели сына Гоголя и что он проходил, весь залиженный в приличных лохмотьях, и раздаривал маленьких куриц породы маран. Только лишь спрашивали они у друг друга, кто же такой этот Гоголь, щедрый продавец кур за двухсот рублей. Иные же были истории, как вдруг кто-то видел, что пьяный внук покойного дедушки, у которого прапрадед являлся казаком, выкинул из окна тонкого и никудышного мужчину молодых лет. Ну, здесь уже и нельзя сказать, чтобы это не было правдой... Если днём сверчки в тавернах себя ведут культурно и тихо, то ночью происходят истории с внуками казаков и тонкими сорбками.

Между избами этими были сделаны дорожки, с помощью которых они никогда не смогли бы заблудиться: где находятся квартирные дома. Хотя дороги иногда выгоняют из себя людей и отправляют их в таверны...

Между центром посёлка и его краями были построены как раз-таки квартирные дома. Такие большие великаны, что даже не понятно, зачем они тут живут. Только живут они потому, что в них обитают молодые люди, которые имеют некую тайную необходимость жить в Воронье. Почему-то у них вид только мрачноватый и даже страшный: смотрят на тебя не любознательным диким взглядом, а лихорадочным зверским безумием, словно волки углями нарисовали под глазами тени и, наклюкавшись водки, бродят между гигантами-домами и боятся чего-то. Хотя они даже сами всех пугают: они что-то пустое перебирают в своих кистях. Да и смотрят они то в твои глаза, то на твой пояс или на что-то, что находится в районе пояса. Также жили в квартирных домах молодые люди, прилично одетые и хитро смотрящие на прохожих из своих окон и балконов. Иногда от волков, живущие в этом районе, рассказывалась одна история, как один молодой кавалер в обличье лисы заставил прийти к нему в квартиру маленького волчонка. Говорили, что у волчонка умерли отец и мать и из-за этого кавалер позвал волчонка к себе, ибо не с кем больше поговорить о важном. Из улиц было видно, как кавалер закрывал окна и занавешивал густые шторы, но это не мешало слышать резкие хлопки и громкие щёлкания с

детским кричащим смехом. Позже кавалер отпускал этого волчонка. Волчонок весь дрожал, а лиса только и улыбалась хитро. С тех пор он каждый день сидит во дворе и смеётся, выдавливая из своих глазниц слёзы; и каждую неделю приходил к этому кавалеру, не понимая зачем... В общем, это всё тёмные истории, дорогие друзья, нам неведомые.

Квартирные дома были из покрашенных в серые краски кирпичей. Были только пятиэтажки в этом районе. Тропинки были также проделаны между домами, как в краях посёлка, только они были длинные и прямоугольные, потому как они окружают эти гигантские здания. Жёлтые ржавые трубы иногда можно было заметить над своими головами: на них сидели волки и волчицы с волчатами. Проходя мимо них, они так и смотрели на тебя своими дрожащими взорами, как обезьяна пугается от внезапностей.

Наконец-то мы прибыли с вами в центр! Вот здесь и проживает настоящая русская культура! Здесь молодые полные мужчины гуляют с худощавыми барышнями, а старые тонкие старики проходят по тропам с дамами с округлостью, как у баранки. Здесь играет Фридерик Шопен и Джузеппе Верди на глухих ствольных колонках. Здесь, в пыльных библиотеках, читают Шекспира или даже редко находят публицистику Виссариона Белинского. Здесь, из чистых серых фонтанов, льётся отфильтрованная вода. Здесь есть парки, сады для пикников, бродячие музыканты, поющие о том, как надо любить женщину; джентльмены, которые подмигивают

дамам, протягивая им чашку чая, и получают в ответ смех, которым дразнят обезьян. Здесь даже гуляет голова! О, какая щедрость доставляется продуктивному и культурному обществу, когда видят полного мужчину с пушистыми кудрями и пышными бакенбардами, видя, как он важно сидит на лавке с бутылкой из коричневого стекла и говорит:

— Как же хорошо играет! Что за музыкант? Чайковский?

— Да, Господин, это Чайковский! Именно Чайковский!

— дружно отвечает ему народ.

Он даже слушал, как бродячие музыканты, состоявшие из молодых мужчин и женщин, играют на гитаре, барабанят, бьют и поют о всяком красивом и соблазняющем.

— Вот играют! У них настоящий талант! А как поют! Душа разыгрывается и танцевать лезут ноги! — утверждала голова и аплодировал вместе со своими культурными товарищами.

Ох, я бы хотел ещё описать, как здесь гуляют люди в синих костюмах и фуражках. Сидя за столиком и перекусывая, они вглядываются в каждого человека через дырку баранки. Они дружелюбно иногда подходили к ребятам молодым, которые были неприлично одеты, и говорили:

— Здравствуйте, молодые товарищи, не хотите-ли заплатить пять тысяч рублей за нарушение культурной дисциплины?

— Здравствуйте, — отвечали им товарищи, — Да, конечно заплатим. Только вот денег у нас сейчас нет. Можно как-

то договориться, товарищ полицейский?

— Конечно, завтра же я вас жду здесь с пятью тысячами пятьсот рублями, договорились? — говорил полицейский, протягивая руку товарищам.

— Ну... — немного съезжившись, ответил, — Хорошо, товарищ полицейский... — и пожал полицейскому руку.

Вот такие добрые дела надо совершать! Учитесь у настоящих мастеров, у которых глаза видят всё, как бинокль!

Вот такую картину представляет нам посёлок Воронье. Только вот сейчас у посёлка на время поселилась ночь. Ночь, где нету ничего отличного от того, что есть днём. Только солнце спряталось в берлоге бурого медведя, а луна, представленная вся в светящихся бриллиантах, разгуливает по густому черносливному ночному небу. Иногда детям ночи нужно протирать глаза и выглядывать из окон: смотреть на всю красоту этой дивной ночи, где тёмная синева правит миром, как царь царевна. Любить надо ночь также, как солнце за то, что оно лишь слепит наши глаза, прежде чем луна составляет наши очи не закрыть, а лишь, выпучив глаза, любоваться царевной и её дивной способностью оживить то, чего не оживляется днём. Днём оживляются певчие воробьи, а ночью оживляются глубокие, как колодцы, совы и ещё всякая дива.

Глава 2

Наконец, послушав ухукание сов и трепетания сверчков, мужчина лет сорока закрыл окна в своей комнате. Окошки он защёлкнул, а на подоконник мужчина поставил сальную свечку. Он начал копать в своих портах и нашёл коробку спичек. Достал одну спичку, ударил по тёрке и спичка сломалась пополам. «Ну и гнусный же ты!» — проворчал мужчина и, наконец, зажёл вторую спичку и подsunул к свечке. Свечка загорелась и мужчина начал трести рукою в разные стороны, словно отгоняет надоедливых мошек.

Мужчина этот был здоровым и мощным, как баран. Он снял тёмный картуз со своей головы и повесил на крючки, куда он также повесил свой кафтан цвета лугово-чернозёмной почвы. На мужчине свободно сидела светлая длинная рубаха с поясом, который стягивает рубаху на талии, разделяя человека пополам. Мужчина развязал пояс и положил его на небольшую тумбочку, где лежала какая-то старая книга. У мужчины была пышная небольшой длины борода каштанового цвета, которая очень сливается воедино с его же кафтаном. Волосы же у этого мужчины были безобразны до такой степени, что торчат в разные стороны, как антенны. Никакой ухоженности за собой! Это видно по тому, как он чешет свою рубаху в районе живота. Но посмотрите же на его затвердевшие мозоли на ладонях и на морщины на его ещё молодом

лице! Его гигантскими руками можно было разбить скорлупу кедрового ореха, а его суровый взгляд так и вглядывался в каждый уголок своей комнаты.

Мужчина, сидя на своей деревянной кровати и почёсывая свою бороду, смотрел, не стоит ли криво стул, который стоит в дальнем левом углу перед деревянным рабочим столом. На этом столе лежало много чего: обёртки бумаг со старыми книгами, разные ткани, в которых проткнуты тонкие иголки и карманные серебряные часы, которые немного покрылись ржавчиной. А стул всё-таки стоял ровно. Затем он направлял свой взор на дальний правый угол комнаты, где была входная дверь и старый деревянный шкаф. В шкафу этом лежали все его неприличные лохмотья. К счастью, они постираны, ибо они тогда пахнули дохлой кучей мух. На вешалке висел очень заметный костюм, как у ораторов: тёмный пиджак, белая рубашечка, тёмные брючки и туфли к этому костюму из хорошей кожи, кстати говоря. Мужчина знает толк в хорошей и приличной городской одежде. Только проблема в том, что он не живёт в Воронье – он поселился рядом, купив домик на самом краю посёлка. Поэтому, должно быть, не за чем одевать зализанный костюм, если на тебя никто не смотрит.

Деревянная кровать, на которой сидел мужчина, стояла в правом ближнем углу, откуда вглядывался суровый взор совы с бородой. Слева от кровати, как я уже говорил, стояла небольшая тумбочка, а над тумбочкой чуть правее как раз и

были окошки с белыми рамами.

Вот вам и экскурсия по комнате этого молодого мужчины. Должен сказать, что он хоть и весь из себя дрянной и лохматый, так сказать, но он сохранял чистоту и порядок в своей берлоге. Всё, к счастью, было на месте.

Зевнув, мужчина встал и снял свои портки, положил под кровать, а над кроватью висели его кафтан и картуз. Подойдя к подоконнику, он сдул свечку, которую зажёл несколько минут назад. «Зараза! Зажёл свечу, когда видно всё кошачьим глазом!» — проворчал мужчина, зажмурившись и почесав свою лохматую голову.

Мыча себе под носом, как рычит собака, он лег на свою деревянную скрипящую кровать, накрыл себя мягким покрывалом и смотрел всё в дальний левый угол. Его суровый взгляд вдруг превратился в спокойный взор уже засыпающей совы. Мы находимся между сном и внешним миром, когда засыпаем. Иногда мне кажется, что это даже немного пугает — ты не там и не там, а в каком-то другом измерении. Сознание словно собирает чемодан и готовится к экскурсии по предшествующим снам, но ему нужно поглядеть ещё из очей на внешний мир, словно он что-то да забыл. Зачем? Не знаю. Нам остаётся лишь только видеть...

Но всё-таки наш герой, не обращая на всё вокруг внимания, уснул крепким сном. Если бы он сунул в рот ладонь со всеми пятью пальцами — он бы походил на медведя, впавшего в спячку на все три холодных месяца. К счастью, была

весна... Поднялся негромкий храп.

Глава 3

На следующее утро часы-кукушки кукукнули шесть раз. Наш волосатый герой потянулся в разные стороны, упираясь об деревянную стену. Вот-так приглядишься к нему, ну так он точно бурый медведь, только в мятой рубаше. Он поднялся, сел на кровать и глубоко вздохнул, потирая толстыми пальцами глаза. Герой наш почему-то сидел десять минут на одном месте: смотрел на деревянный пол, в какую-то щель. Должно быть, он думал, что оттуда вылезет таракан или даже мышь, но ни того и ни другого не было в его доме. Вскоре он всё же встал, надел свои портки с кафтаном, завязал пояс, почесал бороду с животом и вышел из комнаты, бормоча себе что-то под носом.

Герой наш вышел на улицу, вдохнул чистого воздуха и улыбнулся с прищурившим взглядом от яркого света. Вокруг него виднелись поля распутившихся одуванчиков, детей солнца; густые сосновые и берёзовые леса с порхающими и сверлящими свиристелями; а ветерок так и поправлял дрянные волосы нашего бородача.

Вдруг, по тропе к нашему герою бежал какой-то молодой мужчина лет тридцати. Волосы зачёсаны назад тонкой расчёской, на лице юношеская щетина, а одет этот незванный гость был в белый халат, брюки каштанового цвета и туфли. Похоже, что это был местный врач деревни Воронья. Это

можно понять по его смешным окулярам и стетоскопам, которые болтались у него, как ребёнок качается на качелях, ударяясь о какую-нибудь стену сзади.

— Здорово, Гаврюха! — запыхавшись, подбежал к нашему герою молодой врач, — Хорошо, что как всегда проснулся рано. Надо людям помочь. Машина повалилась в Воронье из-за проклятой ямы. Будь добрым, помоги!

Гавриил прищурился, почесал живот и ответил, покашливая:

— Здравствуй Иннокентий. Ну, отчего бы не помочь? Где громада-то провалиться запланировала?

— Да недалеко, на краю Воронья. Пойдём же скорее!

— Ну-с, пойдём, — ответил Гавриил, вздыхая.

Идут Гавриил и Иннокентий по тропе в посёлок спешными шагами. Первый о чём-то посвистывал, а второй, весь вспотевший, был в раздумьях волнительных.

— Слушай, что за люди приехали сюда? Да и на машинах ещё, — спросил Гавриил у своего товарища, смотря прямо.

— Да в том-то и дело, что это не просто люди, а люди важной персоны! — отвечал Иннокентий, поднимая руку и указательный палец вверх, как учёный, который что-то доказал.

— А! Эти-то персоны? Видал я таких... И каждый раз всё проверяют, но им походу нужны твои окуляры, чтобы действительно что-то разглядеть, — посмеялся немного Гавриил.

— Да, каждые три месяца проверяют. Слава богу, что ни-

чего они не находят такого подозрительного. Ох, слава богу!

Гавриил посмотрел беспокойно на Иннокентия и спросил:
— А ты чего такой взволнованный? Стало быть, ты бы не приходил именно ко мне за помощью.

— Верно подметил, Гаврюха, — вздохнул Иннокентий, трогая руками свой стетоскоп — У меня дома живёт девушка: молоденькая такая, румяная. Люблю я её беспрестанно! Еленой её звать. Блондинка лучше других блондинок, а её кудри так и пахнут сиренью. А кожа-то её какая бледная, что даже иногда в голову приходит, что кроме салатов она ничего не ест. Если бы я ел только жуков и лесные ягоды, то я бы тоже был белым. Люблю я её и она меня любит, Гаврюха... Да только приютил я её без прописки. Растяпа-то я! Всё время планировал её записать, да так пристрастился к ней, что обо всём забыл! Теперь все волнуются из-за этих людей и никто не сможет помочь мне расписать её, Елену мою! Бедный я, пропал...

Гавриил остановился, взял Иннокентия за плечо и сказал:
— Так, дружище, ты давай не наводи панику. А то ещё запыхтишь, как бык, смотрящий на матадора...

Гавриил постоял пару секунд в своих размышлениях и спокойно сказал Иннокентию:

— Я тебе помогу. Только слушай внимательно! Не дай бог ты сам всё испортишь! — угрожающе показал Иннокентию он свой толстый указательный палец, — Когда я буду помогать с машиной — ты со своей девушкой пойдёшь по заднему

двору к моему дому; войдёте и не впускайте никого более, кроме меня. Лучше под окном спрячьтесь или под кроватью. Только делайте всё очень быстро, чтобы ни себе, ни мне не создавать проблем! Особенно – от этих свинопасов...

Иннокентий посмотрел на Гавриила глазами, хранящие глубокую благодарность, и ответил:

— Хорошо, я всё сделаю... Спасибо тебе, Гаврюха! Всё сделаю, как ты сказал! Спасибо огромное, дружище!

— Ну-ну, сначала дело, а потом уже за слова братья! Нечего говорить лишнего, пока не сделал всё на деле. Иначе слова пусты. Веди дальше, романтик! — и пошли Гавриил с Иннокентием дальше по сухой тропе к приближающемуся Воронью.

Глава 4

Войдя в невидимую дверь Воронья, сразу была видна густая толпа стариков и их внуков. Такой шум поднялся, что лишь в эту тропу все проходы были закрыты, какую дверь не открывай. Гавриил с Иннокентием уже сразу поняли откуда взялось это толпище седых волос и непонимающих детских возгласов. Они очень редким чудом прошли через это, ибо как не уступить такому мощному человеку, как Гавриил? Покажешь на него пальцем и покажется, что он тебе этот палец оторвёт и выкинет восвояси. Иннокентий всё же потирал свои потные ладони, посматривая на других и вставая на носочки, чтобы разглядеть катастрофу.

Весь край посёлка окружил небольшую, но глубокую ямку, в которую провалилась передняя часть автомобиля. Автомобиль был дорогой, длинный, чистый и белоснежного цвета, как белый дом. Его только что помыли и тут на тебе: провалился в яму и испачкался, как пачкаются портки!

Возле машины стояло три человека в пиджаках, белых рубашках и строго поглаженных брюках. Первым человеком являлся скорее всего слугой или же охранником, вторая была женщиной и третий был молодой мужчина лет тридцати пяти.

Первый человек был слугой, потому что он всё время стоял возле молодого мужчины и женщины, как подоба-

ет охранникам каких-нибудь торговых центров. Конечно, охранник этот был никудышный, потому как был худощав. Если бы он был немного схож на барана, то не пришлось бы звать Гавриила. Лет ему можно было дать двадцать восемь, волос на нём не было, а брови густые-густые. Надёжный слуга – никто не тронет!

Женщина являлась женой молодого мужчины. Хотя она скорее помахивает на секретаршу из-за своей строгости в лице и в одежде, но мнение у вас поменяется, когда вы увидите, как она шлёпает губами и стоит возле молодого мужчины, держась за руку. Шлёпание губами означает, насколько довольна женщина богатствами. Своими? Бог знает. Можно даже сказать, что она хвастается своей духовной развитости, ибо у неё в руках была книга. Что за книга? Разглядеть было невозможно, но закладка была положена скорее на пятой странице, чем на двух сотой, ибо книга была толстая. Обыкновенная строгая брюнетка, которая отличается от мужчин лишь своими синими, как цвет моря, каблуками. Цок-цок и сразу было понятно, кто идёт и какой этот "кто-то".

Молодой мужчина лет тридцати пяти же очень отличался от этих двоих существ. У него на лице очень виднелась густая, но красивая щетина; на голове же у него были аккуратно причёсаны назад под левый бок густые волосы; его телосложение было более массивным, чем у слуги. Он очень отличился аккуратностью и своей красотой. Ну посмотрите, разве не прекрасен этот человек? Посмотрите на его воло-

сы, на его пронзительный взгляд и на его аккуратный чёрный пиджак! Согласитесь, что он великолепен! Если же не согласитесь, то вы позже всё равно будете согласны.

С такими лицами пришлось встретиться Гавриилу.

— Здравствуйте, господа! — поздоровался Гавриил с персонами, поклоняясь им в знак уважения, — Иннокентий, врач этого посёлка, позвал меня сюда и сказал, что нужно вытащить машину из ямы. Это о вас он говорил?

Молодой мужчина повернулся к Гавриилу и с улыбкой и с огромной радостью ответил, расставив свои руки направо и налево, как бы хотел обнять:

— Счастье наше! Да, нам нужна помощь. Наша машина провалилась в эту яму и так получилось, что мой слуга, Степан, не в силах поднять автомобиль; жене моей, Надежде, не положено таким заниматься; а я тем более не смогу. Будьте добры, помогите нам!

Гавриил вроде как и принял взаранее решение, но всё равно над чем-то задумался и переглядывался то на мужчину, то на жену, то на слугу и в конце концов на машину.

— Хорошо, я вам помогу. Надеюсь, не понадобится лишних хлопот... — не долго думая, ответил Гавриил.

— О, счастье то какое! — ответил радостно мужчина.

— Давайте же скорее! — воскликнула Надежда, жена красивого молодого кавалера.

— Благодарим... — ответил Степан, вздыхая и освобождая дорогу Гавриилу.

Гавриил подошёл к яме и осмотрел её. Он аккуратно полез в эту яму, чтобы посмотреть, что находится под машиной. Минуту спустя, Гавриил кинул свой взор на мужчину и крикнул:

— Здесь, под машиной, колючие ветки вцепились за два колеса. Я не смогу вытащить, если не убрать эти ветви. Придётся вытаскивать их минут пять или семь, но я постараюсь сделать всё намного быстрее, если у вас есть перчатки.

Молодой мужчина посоветовался со Степаном и ответил:

— Хорошо, мы вам предоставим перчатки. Сделайте всё, чтобы сделать всё как можно скорее. Мы не можем здесь задерживаться!

— Да, конечно, сэр. Лишних проблем не будет, — ответил Гавриил молодому мужчине.

Слуга вытащил из машины защитные перчатки белого цвета и кинул их Гавриилу. Гавриил их надел и приступал к работе.

Были ли действительно там эти ветки? Да, но их не так много и они вовсе не мешали колёсам. Они просто лежали под автомобилем. Для чего тогда Гавриил соврал? Назло задержать участкового? Нет, совсем нет.

А куда же делся Иннокентий? Его никто не видел после того, как Гавриил начинал говорить с персонами. Где же он? Иннокентий побежал сломя голову к себе домой, чтобы сделать то, что сказал ему Гавриил. Он явно не хотел проблем. Поэтому никто не видел, как Иннокентий с Еленой побежа-

ли по заднему двору к дому Гавриила, ибо весь край Воронья превратился в гущу голов, которая окружила участкового и провалившийся автомобиль.

Теперь понятно, зачем соврал важным персонам Гавриил о том, что колёса запутались о колючие ветки.

Спустя пять минут Гавриил выбросил все колючие ветви из ямы, вылез оттуда и сообщил:

— Все ветви убраны, сэр! Осталось только вытащить вашу машину.

— Приступайте! — ответил молодой мужчина, махнув рукою.

Гавриил подошёл к носу машины, взялся за самый её низ двумя руками и поднял. Какое зрелище! Один Гавриил поднимает автомобиль! Какая сила! Какая мощь! Кто же не удивится? Кто удивительнее, муравей или медведь? Все только и выпучивали глаза, наблюдая за этим. Сверхчеловек! Его силу можно было сравнить с силой целой толпы худощавых Степанов. Аплодисменты!

В итоге он вытащил из ямы провалившуюся машину. Ему аплодировал в тот момент молодой мужчина и, подойдя к нему, сказал:

— Bravo! — сказал молодой человек, — Вот бы мне такого человека. Да не хвастаетесь ли силой своей? Как вас звать?

— Гавриил Елисеевич, — ответил Гавриил. Молодой мужчина как-то странно посмотрел на Гавриила: провёл своим взглядом с ног до головы. Наконец, осмотрев Гавриила,

он улыбнулся и ответил:

— Рад знакомству, Гавриил Елисеевич. Меня зовут Сергей Иванович. Будем знакомы. Не хотите ли пойти ко мне на чай?

Гавриил нахмурился, подумал и ответил:

— Не смогу, Сергей Иванович, к сожалению. Я бы пошёл, но сами понимаете, что у меня тоже есть дела, как у любого человека из этой кучи.

— Понимаю вас, Гавриил Елисеевич. Тогда я всё равно вынужден вас пригласить на чай: жду вас завтра! Поселился я в центре Воронья, в пятой квартире дома М. Сами понимаете, что для проверки даже этого посёлка потребуется не мало времени. Поэтому жду вас с радостью, Гавриил Елисеевич!

Гавриил опустил голову, затем направил свой строгий взор на Сергея Ивановича и ответил:

— Хорошо, будет время – посещу вас, Сергей Иванович.

— Очень буду рад вашему приходу, — опустил голову Сергей Иванович и пожал руку Гавриилу.

Сергей Иванович, Надежда и Степан направились к машине и начали садиться; Сергей Иванович и Надежда сели на задние сиденья, а Степан за руль; завелись и уехали в центр по протоптанной дорожке.

Народ края Воронья разошёлся. Гавриил остался наедине с самим собой. «Сергей Иванович значит... — проговорил себе под нос Гавриил, — В центр... дом М... на чай... Не нра-

вится мне всё это. Надо возвращаться домой» — и пошёл Гавриил по тропе обратно домой.

Глава 5

По дороге домой он также помогал народу из края Воронья: то он таскал воду на железных вёдрах, то загонял кур и свиней обратно в сараи, то помогал пакеты с продуктами отнести до дома, то пьяного старика из таверны провожал до дома. Много кому он помогал в этом кругу. Конечно, такой народ не очень аккуратен и порою неуклюж – Гавриил это знал. Однако он всё равно помогал им, не смотря на всю неуклюжесть их, или, если можно так выразиться, тупоумие. Каков его мотив? Явно не быть удобным...

Шагая по протоптанной дорожке, Гавриил был в каком-то глубоком раздумье. Его руки зацепились за спину и смотрел он под ноги свои. Глаза его были нахмурены пуще прежнего. Вы редко можете увидеть, как обычный ветер превращается в буйный ураган, но вы никогда не увидите, как туча становится всё чернее и чернее, словно и она выплеснет всё, что только можно выплеснуть, чтобы потопить землю: и бурю, и гром, и молнии, и ливень с градом. Это фантастично, но в это поверить не трудно. Я бы тоже не мог подумать, чтобы самый суровый взгляд Гавриила стал ещё более суров, строг и глубок...

Что же беспокоило Гавриила?

Иннокентий и его Елена? Они укрылись в медвежьей берлоге за границей Воронья. Им ничего не может угрожать, ес-

ли они добрались, конечно.

Сергей Иванович? Такой дружелюбный человек, да ещё и красивый. За что его сюда приписывать? Да за его сладкие речи можно и к ногам пасть.

Народ? Должно быть, он помог всем, кому это было надо. За народ точно не надо беспокоиться.

Что тогда заставило привести Гавриила к такому редкому взгляду?

«Да, конечно, поселиться в самом центре, в самой глубине сапога... Уж лучше на краю пропасти, чем в центре внимания!» — ворчал себе под носом Гавриил.

Вот об этом-то и думал Гавриил. Его последними словами своих размышлений стали: «Тьфу, паразиты! Чуть поможешь Ковалёву – он тебя в товарищи припишет. Деваться мне некуда» Почему именно эти слова стали последними? Потому что его раздумьям помешал его же дом, к которому он изначально шёл.

Пока ты думаешь о всяком ненужном с высокой серьёзностью, как человек плюшкинский следит за казавшимся, то ты так можешь далеко зайти, в самую гущу степи, ибо ты забыл в ненужном изначальный путь. Ну, это я так, к слову. Мало ли кто думает серьёзно. В значимом нужна серьёзность, а в ненужном нужна детская неуклюжесть. Иначе же вы далеко уедете... или же нет...

Гавриил обернулся вокруг и наконец-то очухался: перед ним – его дом; перед домом – небольшой лес. Всё хорошо.

Гавриил вздохнул и начал взбираться по небольшому холмику к своей деревянной берлоге. Он подошёл и три раза сильно постучал по двери.

— Иннокентий, открывай! — закричал Гавриил.

— Кто это? Нет здесь никакого Иннокентия! Здесь я, Гавриил! — ответил Гавриилу самозванец исковерканным голосом, который пытается пародировать Гавриила.

— Ох, идиот ты бестолковый! Открывай давай! Гавриил это, голова ты не промытая! — заорал сильнее Гавриил на самозванца.

Дверь отворилась и перед ним стоял Иннокентий (Да ему бы в Зелёном ящике работать!). За спиной Иннокентия стояла молодая девушка. Стройная блондинка: действительно обворожительная, как описывал Иннокентий. Елена была хоть и молода, но Гавриилу она показалась какой-то не сякой. Что-то в ней ему не нравилось. Особенно – её глаза: они слишком ядовиты и хищны. Не слишком ли похожа эта девица на сирену? Ох, Господи, страшно лишь подумать об этом, но взгляд её так и заставляет думать, что она действительно не сякая...

— Спасибо, Гаврюха, за то, что помог нам! Они осматривали наш дом? Не знаешь? — спросил Иннокентий с взволнованной улыбкой.

— Да, по пути в центр они осматривали дома через окна. Да и стучали они. Тебя же через окно осмотрели. Не думаю, что они твой дом не пропустят, ибо тебя там не было. Тебе

придётся где-нибудь остаться или Елену оставить, — объяснил Иннокентию Гавриил.

— Да не волнуйся! Елену, красавицу мою, я пристрою куда-нибудь. Не беспокойся за это! Дальше я сам разберусь во всем! — ещё раз поблагодарил Иннокентий своего друга.

— Ну хорошо... Возвращайтесь обратно. Мне срочно нужно перетереть нос с самим собой...

— Да, конечно. Не беспокойся! Считай, что нас уже нет!

— До свидания... — ответила Елена нежным и ласкающим голосом, как ласкает воробьиное пение.

Иннокентий и Елена покинули дом Гавриила.

«Ну и змею же ты нашёл, товарищ. Шипит только так, как змея шипела Еве..." — проворчал Гавриил про себя. Он закрыл дверь в свой дом, подошёл к своей скрипящей кровати и сел на неё, положив локти на колени, а ладони преподнёс ко рту. Всё теперь было покрыто вокруг нашего героя мёртвой тишиной — он глубоко залез в свою голову.

Глава 6

Госпожа, по имени луна, поднялась на небо, нарисованное густой тёмной синевой. Она открыла форточки и выглянула на нашу Землю. Особенно она вглядывалась в наш Воронье: слушала очередную симфонию сверчков и наблюдала за тем, как спят люди в своих норах, накрытые тёплым и гладким одеялом.

Не спал в это время Гавриил. Да что там не спал, он даже с места не сдвинулся, а лишь моргал, да шевелил фалангами пальцев ног и рук. Гавриил ничего не ел и не пил. Одним словом – он не сдвинулся с места. Пока все суетились днём и пока все спят ночью – Гавриил сидел в той самой позе и ничего не делал более. Ветерок веет и речка течёт, а Гавриил только и движет своими зрачками.

Долго он так сидел, пока вдруг не встал и не подошёл к шкафу. Он открыл его и посмотрел на тот самый костюм, что был упомянут в начале. С самой невидимой головы до туфель Гавриил его рассматривал: рассматривал то, что не имеет оболочки, но смотрел так, как на человека совершенно страшного. «Если я откажусь, то меня будут искать. Если надену его, то придётся готовиться к неизбежным вещам... Не люблю я всё это и терпеть не могу этот костюм! Ох, Сергей Иванович, да вы готовите меня к виселице, нежели к чаю!» — проворчал про себя Гавриил, также смотря боязливо на

свой костюм. Нельзя даже поверить в то, что такой громада чего-то да страшится! Покажи ему кулак, ну так у него кулак больше! Хотя можно понять огромного синего слона, у которого под ногами маленький безобидный мышонок.

Гавриил долго ещё ходил по комнате, переглядываясь то в окно, где царит тихая и нежная ночь; то в шкаф, где поджидал Гавриила костюм.

В одно мгновение он снова подошёл к шкафу и опять стал разглядывать этот костюм. Что за тёмная магия вселилась в эту невинную одежонку? Не могу я объяснить страх Гавриила. Если же могу, то пока не самое время...

Вдруг Гавриил взял костюм и кинул его на свою кровать. Он подошёл к рабочему столу и сел за него. Гавриил опустился и открыл ящик, в которой лежали сальные свечи; он поставил свечу на стол, достал коробку спичек и саму спичку, ударив её о тёрку; спичка загорелась и комната обрела наконец свет, как светлячок поддерживает лунный свет. Гавриил положил коробку спичек на стол и схватил свою лохматую голову руками. Так он просидел минут десять, может даже пятнадцать. Глубоко вздохнувши, он достал с другого ящика ножницы, бритву с мылом и зеркало: зеркало он поставил перед собой, а остальные предметы он положил под свою лохматую бороду. Вздохнувши, он сказал про себя дрожащим шёпотом: «Приступим...»

Большую часть времени Гавриил провёл за столом, а кровать так и не встретила своего хозяина: лишь, вздыхая, при-

няла на себе выкинутое и со всей странностью страшное...

Глава 7

Вышло солнце на ясное русское небо: на небе этом ни облачка было, ни тучки. Ветерок также веял своею нежною рукою, а листья на деревьях так и шуршали мягким и ласковым шумом; птички запели и свиристели оживились, а из дома Гавриила вышел незнакомый мужчина. На нём был очень прилично одетый костюм: чёрный шёлковый пиджак идеально подходил к белоснежной рубашке; брюки были тонки и свободны, а как туфли подчёркивали сам этот костюм. Сам же мужчина выглядел лет так на тридцать пять. Борода у него была гладкая и аккуратно пострижена, а волосы были тоже очень аккуратны. Но взгляд уж более знаком... Какой-то суровый... Точно! Это же наш Гавриил! А как это так: из грязного в аккуратного? Не брат ли близнец это? Нет, это точно Гавриил! Его почёсывание в районе живота очень напоминает старого медведя. Но как? Это обличие очень его отличает от Гавриила, которого мы видели. Посмотрите на бродячую и на домашнюю собаку и вы увидите отличие. И всё-таки, этот образ ему очень идёт. Он напоминает Ивана Сергеевича Тургенева, но только волосы были каштанового цвета. Всё, теперь мы точно убедились, что это наш Гавриил.

Всю ночь Гавриил провёл за столом, чтобы прихорошить себя: он аккуратно постриг свою бороду и волосы на голове; бритвой выбрил лишние волосы на шее; мылом он помыл

свою голову в металлическом тазике, которая хранилась у него на улице, а воду взял из сияющей речки. Всё-таки ему, конечно, идёт этот образ, но он также не мог сдерживаться от своих старых привычек: почёсывание живота и затылка, суровый взгляд и ворчливость. Да и Слава Богу!

«Только сегодня я тебя одену и больше никогда не подойду к этим персонам! Да и душно в тебе. А ты, Иннокентий, со своей змеей ещё заплатите за это... Хотя это я сам виноват: решил помочь, не думая о своих последствиях. Ну, обратного не вернёшь, но с Иннокентием придётся перетереть нос. Ну, с Богом!» — проворчал про себя Гавриил и с глубоким вздохом он отправился в Воронье.

Между степным полем и густым зелёным лесом по протоптанной дорожке шёл наш герой. Гавриил всё время оглядывался по сторонам: ему казалось, что на него кто-то смотрит дикими глазами, хотя это абсолютно безлюдное место: здесь есть только пустая степь и загадочный лес; поющие ласково о любви воробьи и, качающиеся по повелению ветра, ромашки и одуванчики, — но он всё-таки оглядывался. Люди, может быть, и будут смотреть страшно на элиганта, но птицы уже столько всего повидали, что они даже не смотрят на гладкий галстук. Гавриил всё поправлял воротник с пиджаком; подтягивал штаны, пристёгнутые ремнём, и рассматривал туфли — мало-ли они загрязниться успели.

Дошёл своими торопящимися шагами Гавриил до Воронья. Ох, посмотрите на его лицо: пот так и покрывает голо-

ву с ладонями – на него смотрят дикие дряхлые старички и старушки! Всё замерло после того, как он явился в Воронье. Одним словом, никто не узнаёт Гавриила и он сам не смотрит, когда в его груди лихорадочно бьётся сердце. Все перешёптывались между собой, глядя дикими глазами на молодого человека. Гавриил расслышал только диалог двух старушек:

— Ох, посмотри-ка, Валя, не сам-ли чёрт идёт?

— Чёрт? Преувеличиваешь, Галечка – это лишь бес. Чёрт бы уже нас своими глазами выпуклыми в котёл бросил, а этот даже посмотреть на кого-либо боится! Вишь, какой потный бес!

— Бес? Ох, не к добру, Валечка, не к добру... — качает головою Галечка.

— А к чему ещё? Посмотри на него и на Гавриила нашего – абсолютно разные бараны. У беса лишь рога сожжённые и глаза красные, как огонь, а Гавриил – баран хоть куда, но в глазах его что-то да есть, нежели у этого красного существа! — строго подметила Валечка.

«Да, пусть я буду бесом сегодня по воле обличья, но завтра буду собой по воле божьей...» — подумал про себя Гавриил, услышав разговор Валечки и Галечки. Глубоко вздохнув, он пошёл далее.

Теперь перед собой Гавриил увидел гигантские квартирные дома. Здесь наш герой уже смог идти со спокойной душой – теперь не он боится, а его сторонятся. Дрожащие вол-

ки в этом округе бояться таких людей больше всего: у них перестают чесаться руки, потому как они лишь прячутся под скамейками или в зарослях густых кустарников. Их глаза дрожат от одного лишь образа цилиндровой шляпы – они помнили, что могут сделать с ними галстуки. Гавриилу же было жалко на них смотреть: он останавливался со временем и с дрожащим вздохом смотрел на них, когда у них дрожало всё, что может дрожать. Других людей с воротниками здесь Гавриил не видел, к счастью. Это намного хуже, чем встретиться с бесом, или же это одно и то же. Здесь все дома уже посерели от старости, а скамьи с трубами проржавели. Жизнь здесь пахло лишь от берёз с кустарниками, которые сохранили свою зелень среди серости и чудного страха. «Ох, бедные волки, совсем вас замучили... Бог с вами» – со вздохом подумал горько про себя Гавриил, смотря на то, как семья голодных волков дрожат под трубами.

Вот и дошёл Гавриил до того места, которого он больше всего боялся встретить ещё раз: центр. На горизонте теперь виднеется свет, но свет ли это? И почему же он сторожится этого места? Здесь ярко светит солнце, льёт чисто кристальная вода из фонтана, играют молодые музыканты о таком и сяком, старые перевоплощаются в молодых, улыбаясь и смеясь каждому в рожу. Здесь даже читают литературу, играет красивая музыка из шумных столбов и гуляют чистые головы. Чего здесь тогда боится Гавриил, что даже в костюме его стало ещё душнее, чем было на краю? «Вот и пришёл я в

рай дьявола, где свет не свет, а люди, как бесы...» — об этом лишь подумал с дрожащим дыханием Гавриил, когда остался лишь один шаг, чтобы ступить на эту землю.

Осталось теперь только добраться до пятой квартиры дома М.

Гавриил, конечно, знать не мог где находится этот дом. Поэтому ему приходилось расспрашивать у прохожих, где находится он. Он подходил как к молодым девушкам и мужчинам, так и к старикам и старушкам с поклоном, чтобы спросить, где этот невиданный дом М. Нужно заметить, что Гавриил вёл себя более аккуратно и прилично, чем раньше: если раньше он открыто почёсывал живот с бородой, то сейчас у него как с рук выпало!

Гавриил уже не знал куда деваться. На улице дикая жара, как в Африке. Солнце словно дует на нас жарким воздухом, что заставляет испытывать пот по всему телу. Гавриилу же было очень душно, особенно в этом костюме. Он сел на скамью и схватил голову руками. «Проклятье! Как они живут здесь и как могут вообще знать друг друга? Конечно, одни в телефонах, в этих пустых коробках, торчат и параллельно общаются с кем-то. Иные если и общаются, то вообще встречались случайно. Спросишь у них: «Здравствуйте, а вот вы с вон той женщиной сейчас разговаривали. Где она живёт, не подскажете?», а они ответят тебе: «Здравствуйте, я знать не знаю!» Проклятье!» — думал про себя Гавриил, в полном поту. Когда у человека кружится голова на жаре, то это лишь

даёт ещё больше пота — он хотел уйти отсюда поскорее...

Вдруг к нему подсел какой-то незнакомец. Гавриил, конечно, не смог сразу это понять, потому как схватил свою голову руками, но незнакомец спросил:

— Здравствуйте, господин! Вас что-то беспокоит?

И тут Гавриил посмотрел на незнакомца и это был полицейский... Он что-то проворчал про себя и ответил:

— Ну что вы, сэр! У меня всё хорошо! Просто, я думаю, вы сами понимаете, что уже давно прошла зима. Весной жара здесь такая, что хоть шашлык без мангала жарь... Хотелось бы снять этот костюм, но по закону Воронья это не положено, верно?

— Да, господин, вы абсолютно правы! — подметил полицейский, — За несоблюдение наших законов полагается штраф от пяти тысяч рублей! Мы не можем позволить, чтобы по прекрасной территории нашей головы ходили в дурном одеянии, как наши соседи!

— Это вы правильно делаете, товарищ полицейский... — подметил в ответ Гавриил, — Зачем соблюдать законы государственные, когда можно создать свои? Это же гениально! Наш голова только освобождает нас от лишнего, чтобы создать прекрасное! Что же может быть прекрасного, товарищ полицейский?

— Вы мне очень нравитесь, господин, — ответил Гавриилу полицейский с скромной улыбкой, — Если вам нужна будет помощь, то обращайтесь. Только знайте, что это не обой-

дётся бесплатно! Вы сами понимаете, что за услугу надо платить услугой, господин.

— Конечно, товарищ полицейский... Сколько будет стоить узнать информацию, где находится дом М? — ответил на намёк Гавриил, доставая из своих брюк кошелёк с деньгами.

— За такую услугу платят тысяча рублей, но так как мы с вами хорошо ладим, то я вам дам возможность узнать за восемьсот рублей. Что скажете, господин? — ответил товарищ полицейский.

Гавриил пошарился в своём кошельке и там как раз находилось восемьсот пятьдесят рублей. Он достал эти бумажки и протянул их товарищу полицейскому:

— Вот, получайте, товарищ полицейский...

— С вами приятно иметь дело, господин! — положил с улыбкой в свой большой карман полицейский, — Дом М находится вон в том переулке, — он указал указательным пальцем на один из переулков, — Это улица У. Чтобы добраться до дома М, надо идти прямо примерно три минуты и там будет табличка с надписью «Дом М».

— Спасибо вам, товарищ полицейский! Спасибо за скидку такую! Буду помнить о вас, как о щедром и справедливом полицейском Воронья! — ответил полицейскому Гавриил, пожимая ему руку и кланяясь своим массивным туловищем.

— Всегда рад помочь, господин! Если вам снова нужно что-то, то вы не обратитесь ко мне бесплатно, помните! — с улыбкой проводил Гавриила товарищ полицейский.

— Запомню—запомню, товарищ полицейский! Хорошего вам дня! — множество раз поклонился Гавриил.

«Трус и мошенник! Думаю, когда он увидел Сергея Ивановича, то он так и перестал грызть булки, а стоял, как оловянный солдат!» — проворчал в голове у себя Гавриил и пошёл в тот самый переулок, куда указал ему справедливый товарищ полицейский.

Глава 8

Гавриил уже шёл по улице У. Среди него было много элитантов: девушки хихикающие хотели соблазнить Гавриила и подцепить к себе, как осла на поводок; мужчины, которые окружали молодых дам своей худобой, защищали их от бесовщины и нежно слушали разговоры о важном. Гавриил лишь смеялся над этим, но смеялась над ним беспрестанно жара. Ему уже казалось, что глаза расплавляются, как лёд в стакане; казалось, что его руки похожи на крабы клешни, а туфли на батон. Одним словом, всё было миражом. У Гавриила не было ни кепы, ни шляпы и ни панамы – он освободил свою голову для нежного прохладного ветра, который должен был ласкать его, но его не было здесь. Гавриил без ветра, как рыба без воды. К счастью, он наконец-то дошёл до дома М...

Дом выглядел очень белоснежным, как пищевая соль. Архитектура впечатлит любого инженера: дом выглядел, как пятиэтажная усадьба, но был сделан, как квартирный дом. Квартирная усадьба – что может быть удивительнее? Да вы такие даже в других странах не увидите, а тут есть!

Гавриил позвонил по домофону в квартиру номер пять. Гудки прозвучали три раза, прежде чем Гавриилу ответили:

— Кто это?

— Гавриил Елисеевич!

— Вы по какому поводу?

— Явился по приглашению Сергея Ивановича! — и ему мигом открыли дверь.

Гавриил зашёл и даже я бы ахнул от такой дивы: подъезд квартирной усадьбы очень широкий и просторный, как коридоры поликлиник! Да на всех этих этажах на лестницу можно было бы всех мальчиков и девочек пристроить, которые учатся в пятом классе! Впрочем, это же центр Воронья: здесь всё по-своему. Но, должен сказать, что архитектор заслуживает большей похвалы: самому приобрести какую-нибудь квартиру в этом доме. Однако, я слышал, что он даже не смог более прикоснуться к своему творению. Где же он теперь? Я и знать не знаю.

На каждом этаже помещается по семь квартир, поэтому не трудно было найти квартиру номер пять. У входа в квартиру стоял Степан, охранник Сергея Ивановича. Гавриил был весь в волнении и поту. Прежде чем войти в квартиру, Гавриил достал из задних карманов брюк платок и вытер ими свой лоб и всё лицо; поправил свой пиджак и вошёл в квартиру. «Всё, теперь можно не так сильно беспокоиться. Хотя от улыбки Сергея Ивановича можно ожидать достаточно дурного... Ну, с Богом!» — проворчал в своих мыслях Гавриил и, увидев стойку для обуви, разулся.

Квартира также выглядела просторно, но простора здесь было чуть меньше, чем в подъезде квартирной усадьбы. В коридоре стояла стойка для обуви, а над стойкой прикрепле-

ны крючки, на которых ничего ещё не висело. Конечно ничего не висит, ибо Сергей Иванович сюда приехал не на всю оставшуюся жизнь. Стены с потолком так же были белоснежны, как дом снаружи, а пол был покрыт линолеумом цвета беленого дуба. Посмотришь так и подумаешь, что ты пришёл в чью-то усадьбу, но на самом деле это квартира просто такая изумительная. Архитектор постарался над всей структурой своего творения. Честно, я бы вписал бы в эту квартиру большую картину Федора Антоновича Бруни «Медный змий», которое было написано в 1841 году. Хорошая бы получилась кооперация.

Пройдя по коридору, можно было бы пройти либо сразу направо в гостиную, либо пройти ещё прямее, где есть два прохода: слева была кухня, а справа был чей-то кабинет.

Гостиная была очень просторной в отличии от кухни или кабинета: здесь был огромный кожаный диван, вокруг которого были поставлены разные декоративные кустарники с цветами; телевизор перед диваном; пустые книжные полки за диваном и слева от дивана были вставлены довольно огромные окна. Нельзя заметить сразу, что справа от дивана (иначе говоря, возле прохода) висят небольшие пейзажи: на одном изображены кавказские горы; на другом – сияющее поле возле пруда; иное – пышная дама, изящно сидящая в своей беленькой деревянной беседке, которая смотрит на удивительные летние узоры, дарующие нам природой. У Сергея Ивановича с Надеждой есть вкус к живописи: видно,

что им нравится всё яркое и аппетитное. Словно сам Исаак Левитан им подбирал эти удивительные пейзажи. Хотя я сам бы удивился, если бы это был сам Исаак Левитан...

Кухня была тоже довольно просторна: стоял небольшой столик, на котором были поставлены разные вкусности и пряности; расставлены очень геометрически ящики и шкафчики серенького цвета, как голубиные перья, вместе с электрической плитой, универсальной раковиной и у самого угла стоял холодильник. На кухне также висели маленькие натюрморты: в одном из них изображены все виды ягод в каком-то изумительном беспорядке вместе с бокалом вина и глиняном кувшине. Одним словом, кухня была до изнеможения аппетитна!

Также стоит заметить, что между проходом на кухню и в кабинет есть одна дверь, за которой есть и уборная, и душевая кабинка и раковина для мытья рук.

О кабинете, я думаю, можно рассказать чуть-чуть позже.

Гавриил разулся и осмотрел это удивительное помещение. За Гавриилом последовал Степан: он встал рядом с Гавриилом в коридоре и прокричал:

— Сергей Иванович, Гавриил Елисеевич прибыл по вашему приглашению!

— Да ну слышу я всё, слышу, дурак необразованный! Чего так орать-то? Ты же не царю служишь! — ответил на зов Степана Сергей Иванович, выходя из своего кабинета и ковыряясь у себя в ушах ватной палочкой, — Ох, здравствуйте,

Гавриил Елисеевич! Да и вы ли это? Ну вы даёте, Гавриил Елисеевич! Умеете же вы удивлять людей. Надежда, подойди сюда!

Из кухни вышла молодая девушка, Надежда, в том самом виде, в каком встретил её Гавриил впервые и ответила:

— Что такое, дорогой?

— Знакомься, Надежда! Это – Гавриил Елисеевич: тот самый, который нам помог с машиной.

— Действительно? Ого, да вы очень уж похорошели сегодня, нежели вчера! Меня зовут Надежда. Я – жена Сергея Ивановича.

— Приятно познакомиться, Надежда... — ответил Надежде Гавриил, кланяясь и прикладывая руку к своему сердцу ей в знак уважения, немного покашливая.

— Что ж, — подумал Сергей Иванович, — Давайте же, как я и обещал, попью с вами чаю, Гавриил Елисеевич! Надо бы выпить по-красивому в таком новом вашем обличье! Степан, дурак необразованный, сделай нам по чашке чая! А мы пока с вами, Гавриил Елисеевич, поговорим в моём кабинете. Прошу вас... — и вместе с Гавриилом Елисеевичем Сергей Иванович пошли в тот самый кабинет, а Степан вместе с Надеждой направились на кухню.

Кабинет, к удивлению, был просторнее кухни. В кабинете Сергея Ивановича, впереди от входа, стоял его рабочий стол со всякими бумажками и документижками; слева же от входа стоял огромный шкаф и диванчик, впереди которого

стоял небольшой столик, где обычно Сергей Иванович отдыхал и пил чай. К удивлению, не было никаких картин в его кабинете, как в гостинице или на кухне. Конечно, там, где всё покрыто документами, не должно быть ничего лишнего, что отвлекает от работы. Через кабинет Сергея Ивановича можно было пройти на балкон, с которого виднелась только соседняя улица, похожая на все остальные.

И всё-таки, даже если квартира белее белого халата врача, разукрашена различными натюрмортами или пейзажами, хранит в себе всё богатство и аккуратность, то Гавриилу не было спокойно: от одного лишь вида на эту белизну и краски богатые ему хочется поскорее уйти отсюда.

Гавриил и Сергей Иванович прошли в кабинет и они вместе сели на диванчик за столиком. Две минуты спустя, Степан принёс две чашки чёрного чая и Сергей Иванович попросил своего необразованного дурака закрыть дверь – разговор предвещал быть интригующим.

— Как вам этот дом, Гавриил Елисеевич? Не правда-ли он удивительный? — спросил Сергей Иванович.

Вздыхнув, Гавриил посмотрел на чашку чая и ответил:

— Да, Сергей Иванович, он очень удивительный. Такого дома я никогда ещё в жизни не видел, — подметил Гавриил.

— Архитектор постарался на славу? Как вы думаете? — решил спросить Сергей Иванович с некоторым интересом.

— Я думаю, что он вложил всю свою силу в этот дом, — ответил Гавриил, — Но, насколько я знаю, после того, как

закончили постройку центра Воронья, то ему даже не заплатили за его труд. Правильно ли поступили с ним или нет — я не знаю. Знаю лишь то, что ему приходилось переехать в какой-то провинциальный город, а в какой — не знаю.

— Вы справедливы, Гавриил Елисеевич, — подметил Гавриила Сергей Иванович, — Также справедливы к тому, что вы спасли жизнь Иннокентия вместе с жизнью преступницы.

Гавриил замер от этой шокирующей новости, но он понял, о ком Сергей Иванович толкует.

— Ох, Господи, не знал я этого, — вскоре ответил на заявления Сергея Ивановича Гавриил, — Хотя и видел я её и сама она мне не понравилась, но я не думал, что она настолько грешна...

— Незнание не может отрицать того, что вы всё-таки помогли ей избежать нас, Гавриил Елисеевич, — ответил Сергей Иванович, — Вы поступили благородно с врачом, но вы всё-таки защитили преступницу!

У Гавриила всё уже начало мутнеть в голове после осознания того, что он действительно натворил. Выпив глоток чая, он немного успокоился и решил спросить:

— И что же, вы меня посадите?

— А вот насчёт этого я и хочу с вами поговорить, — и, сев поудобнее, он приступил толковать, — Дело в том, Гавриил Елисеевич, что мы не просто приехали сюда отчитывать жителей Воронья, но ещё мы здесь по секретному поручению: поймать преступницу, которая убила и ограбила в Санкт-Пе-

тербурге богатого человека. После преступления она долго скрывалась и в итоге мы узнали, что она обитает в этом посёлке. Её зовут Елена, как вы уже знаете. Да и вы её уже видели. Мы нашли в доме Иннокентия вот это, — он достал из кармана красную помаду и показал её Гавриилу, — Это её помада. Помада эта слишком сильно качественная и стоит она от пятидесяти тысяч рублей. Сейчас наша проблема в том, что ваш друг явно скрыл где-нибудь Елену и её трудно будет найти. Просто так мы не сможем допросить Иннокентия, но так как вы с ним дружите, то у вас легко получится добиться какой-то информации.

Условие будет такое: если вы нам поможете найти и поймают Елену, то мы вас не тронем. Если же вы нам не поможете, то вас нам придётся забрать с собой. Что скажете, Гавриил Елисеевич?

Гавриила ухватил жар своими объятиями: он уже не убирает платок обратно в карман, потому что пот льётся как из ржавой лейки. Слова Сергея Ивановича ему слышались мутно и глухо, но он всё-таки всё услышал. Он смотрел своими изматывающими глазами на помаду, которая в его глазах расправлялась в красную жидкость: кровь. Перед его глазами всё облилось кровью и уже было видно, как чёрт в костюме Гавриила летает по комнате вместе с бесами и со всеми лицами, которые он только встречал. Лишь голова чёрта летала над ним и пела шёпотным хитрым голосом:

Спаси себя!

Да предай друга!

Ждёт участь тебя!

Лишь спаси недруга!

Что выберешь ты?

Кого спасёшь от напасти?

Богоотступнику помоги

Или друга обмани!

Вдруг дьявольская симфония закончилась. Всё вокруг Гавриила стало таким, какое всё было изначально.

— Гавриил Елисеевич, каков ваш выбор? — взял за плечо Гавриила Сергей Иванович и посмотрел ему в лицо, дожидаясь ответа.

Спустя пять секунд тишины, голова Гавриила поднялась немного вверх и он ответил:

— Однажды мой покойный отец, Елисей Елисеевич, во время того, как он воевал в Великой Отечественной войне, настал такой момент, когда он отстал от своих товарищей и нёс на своей спине раненного товарища. Он был голоден, потерял все свои силы, но он нёс и пытался найти своих людей. В один момент его встретили два немца, когда он очередной раз искал своих товарищей, неся на спине своём одного из них. Они сказали: «Русский, брось своего друга и ты будешь накормлен и напоен. Если же ты не согласишься, то мы и тебя, и его убьём. Выбирай!» Что сделал мой отец? Пошёл с немцами и бросил друга, или же был убит вместе со своим товарищем? Он поднял голову вверх и сказал: «Наш самолёт

летит...» Немцы повернулись туда, куда смотрел отец мой, а он лишь застрелил последними двумя пулями в их спины. «Уж лучше согрешить и искупиться перед Богом, чем поклониться чёрту!» После этого события он ещё два дня скитался с раненым товарищем, но всё-таки он нашёл своих, русских. После того, как отец привёл себя в порядок, он пошёл к ближайшей церкви: он помолился, искупил себя своими страданиями со слезами на глазах и совесть перестала его мучить.

Вы спрашиваете меня, кому помочь, но ведь я в обоих вариантах поклонюсь чёрту. Поэтому, мой ответ таков: я не выберу ни один из ваших вариантов. Я не упаду ни к вашим ногам, ни к ногам чёрта! Я сам найду Елену без помощи Иннокентия и вашей и приведу её к вам. Она, богоотступница, заслуживает наказания, но я не поклонюсь чёрту, и не предам Бога. Дайте мне день и я найду вашу преступницу. Но и с меня условие: не трогайте Иннокентия. Я не пойду к нему, даже не надейтесь, но если вы его посадите, то я вам во снах сниться буду!

Сергей Иванович пришёл к серьёзному раздумию: он не смотрел ни на Гавриила, никуда. Сидел он так три минуты, что даже Гавриил успел сходить умыться от мучающей его жары и выпить весь стакан чая.

— Что ж, Гавриил Елисеевич, — начал отвечать Сергей Иванович, повернувшись к Гавриилу, — Я согласен с вашим предложением. Мне даже интересно, как у вас это выйдет,

но я вам вот что должен сказать: если вы не найдёте её в течение дня и ночи, то мы посадим вас троих; а вам, Гавриил Елисеевич, мы удвоим срок лишения свободы! Вы уверены в своём выборе?

— Да, Сергей Иванович. Даже не сомневайтесь. Даже собака никогда не станет ослом на поводке. Теперь мне пора, Сергей Иванович. Очень рад был с вами поболтать.

Хитро улыбнувшись, Сергей Иванович встал вместе с Гавриилом и ответил:

— Хорошо, Гавриил Елисеевич, до завтра! Да и удачи вам! — они пожали друг другу руки, Гавриил вышел из кабинета, а Сергей Иванович остался в кабинете в раздумьях.

Спустя три минуты, его ухмылка улыбнулась до ушей, и сам он сказал про себя: «Очень уж вы интересны, Гавриил Елисеевич... И про бога что-то говорите. Что ж, время идёт. Буду ждать вас с нетерпением...».

Гавриил уже вышел в тот момент из квартиры и спускался на выход из этой душной квартирной усадьбы. «Ох, Господи, дай мне сил!» — со вздохом произнёс он про себя и пошёл обратно по улице У.

Глава 9

Проходя по беспрестанно голдеющей улице У, Гавриил всё смотрел себе под ноги и думал о чём-то, пока шёл. Думаю, он думал о предстоящем. После кипучей вины он вышел на волю, но он всё равно думал о том, что будет. «Как же я найду её? Проходить полностью посёлок? Расспрашивать у каждого? Обратится в полицию? У меня есть оставшийся этот день и предшествующая ночь. Успею ли? Надо постараться... Бог терпел и нам велел. И всё-таки где же мне искать эту богоотступницу?» — думал про себя Гавриил, пока возле него проходили множество смешных лиц. Одни лица были пышные и ласкающие, но мучающие; другие были смеющиеся и пошатнувшиеся, но злобные. Вяло шёл Гавриил по улице, но не от воздействия приятных напитков, а от изнеможения. Он ничего не мог делать более, кроме как идти вперёд и смотреть себе под ноги, словно осматривает свои чистые туфли.

Он вышел из улицы в центр. Прошёл он к фонтану и сел на ту самую скамью, на которой он сидел, когда разговаривал со справедливым человеком в синем. Гавриил сидел и осматривал разных прохожих. Все были культурными и яркими, аккуратно пьющие чай с чашки. Некуда было смотреть Гавриилу, ибо лишь это было смешной и мучающей забавой. Вдруг, он увидел знакомый образ: стройная осанка, блед-

ная кожа, худое тело и светлые волосы, как у блондинок. Надел на себя этот образ чёрное пальто с тёмными очками. Всё её одеяние, вкратце, было тёмным. Гавриил уже понял, что это была Елена. Она как раз проходила по центру. Гавриил же наблюдал за ней, куда она и зачем идёт. Она прошла в один из переулков и Гавриил пошёл за ней в тот же переулок.

Он держал от Елены достаточно далёкую дистанцию, чтобы она ничего не заподозрила. «Удивительно, неужели Иннокентий решил её спрятать в самом людном месте? Удача ли это или сама судьба решила нас замотать в один клубок? В любом случае, так будет легче: хотя-бы я её вижу» — думал про себя Гавриил, аккуратно следя за Еленой, как хищник следит за своей добычей. Она вошла в один из квартирных домов и Гавриил спрятался между стенами двух домов. «Хорошо, значит здесь тебя пристроил Иннокентий. Ну хорошо. Когда ты выйдешь — я тебя поймаю. Тебе уже никто не поможет, да и бегать бы тебе уже прекратить. Ох, когда тебя окружает вокруг вьюга, которая так и заставляет скрежетать зубами — хочется лишь скрыться, потому что зубы твои размельчиваются и ломаются. Больно всё-таки и неприятно видеть, как одни живут с этой вьюгой, улыбаясь и наслаждаясь, а мне приходится терпеть. Жалко, что очень мало на свете людей, которые бояться поступить, как поступил однажды Гераклит Эфесский. Конечно, я бы тоже боялся, если бы был на их месте. Но что лучше: замораживаться среди довольных лиц или быть счастливым одному? Страшно с людьми,

да страшно без них. Чёртов парадокс...» — пробормотал про себя Гавриил, когда, вздохнув, поднял свою голову на небо с закрытыми очами и упал на землю. Теперь ему остаётся только ждать, когда выйдет на улицу Елена.

В это время было только три часа дня. Солнце теперь смотрит на землю искоса и свет всё становится ярче. Ветра почти абсолютно не было и даже не оставляет ветер после себя на траве, на листьях и на волосах свои следы. Как жить ветру в закрытом на замке замке? Как жить птице в закрытой железной клетке? Ветер бесполезен без птиц, питающихся им, а птицам не светит жизнь без ветра. Заставить их обоих отделиться друг от друга — всё равно, что лишить обоих жизни. Вскоре, солнце постепенно падало в глухие леса и горы, а на небе возвышалась луна. «Прощай, брат!» — провожала луна солнце и вставала на его место. Украсила небо луна яркими бликами звёзд, убаюкала она всех жаворонков и будит всех сов со светлячками. Всё стихло и лишь вздохи Гавриила было слышно среди трепетаний сверчков.

Пока все спали — Гавриил не смог даже глазом моргнуть. Не для этого он пришёл, но и сидеть в яркой ночи ему пришлось не долго: Елена вышла из дома.

Не узнаем мы более, куда и зачем она собралась в такое время, но как только она вышла — Гавриил бросился из своего укрытия на неё, закрыл ей рот своими твёрдыми ладонями, что та даже писк не смогла произнести. Он начал её уводить из улицы и говорил ей шёпотом:

— Пошли, змея поганая! Богоотступница чёртова! Слава Богу! Ох, Слава Богу, я тебя нашёл. Теперь же не избежать тебе наказания, чёртова дочь Иуды!

Елена лишь могла мычать, словно хотела что-то прокричать, но она даже гигантские руки не смогла отцепить, чтобы что-то да прошипеть. Ничего более не смогла сделать сирена — ей оставалось лишь только идти, куда намерен привести её Гавриил.

Направился Гавриил к дому М вместе со своей спутницей. Встретился Гавриил снова с этой белой квартирной усадьбой, помутневшая от ночного мрака, и позвонил по домофону в квартиру номер пять:

— Кто? — донёсся голос Степана.

— Гавриил Елисеевич!

— По какому поводу?

— У меня для Сергея Ивановича есть сюрприз! — ответил тихо Гавриил и ему мигом открыли дверь.

Поднялся по белым ступенькам Гавриил с Еленой. Та, конечно, пыталась всё время вырваться, но Гавриил лишь говорил, чтобы не дёргалась. Степан их уже ждал возле двери, но в квартире уже виднелось довольное смазливое лицо Сергея Ивановича. Гавриил со спутницей прошли в квартиру.

— Здравствуйте, Гавриил Елисеевич, снова рад вас видеть! — встретил с улыбкой Сергей Иванович, — Да и с таким подарком... Какая прелесть! Да это же сама Елена! Преступница из Санкт-Петербурга! Ну что вы, Гавриил Елисее-

вич, так грубы с ней? Дай ей словечко ласковое вымолвить, — сказал с улыбкой до ушей Сергей Иванович, разглядывая Елену.

Гавриил убрал свою руку с её лица и та со всем гневом попыталась укунить за длинный нос Сергея Ивановича. Она рычала, как собака, и кусается, как дикий пёс.

— М-да, Елена. В моих руках ты абсолютно бесполезна. Зато от тебя будет прок! Представь, как ты удивишь тысячи мужчин в тюрьме! Да ты же будешь даже в одной клетке с ними сидеть! Конечно, у нас мало девушек, совершающие преступления, но ты теперь одна из них. Отчего бы не порадоваться, Елена? — с довольной улыбкой смотрел в глаза Елены Сергей Иванович. Он даже немного посмеивался, но в конце концов он попросил Степана принести наручники и холодно продолжил, ударяя о свою руку металлические наручники.

— Елена, — продолжил Сергей Иванович, — Вы имеете право хранить молчание. Вы были пойманы за убийство и ограбление человека в Санкт-Петербурге и за долгое время пребывания в розыске. Ваш срок лишения свободы — от шести до пятнадцати лет, — сказал эти слова Елене Сергей Иванович, немного посмеиваясь, и велел Степану отнести её в его кабинет, — А вас, Гавриил Елисеевич, я хочу задержать на минутку... — Сергей Иванович отвёл Гавриила Елисеевича в подъезд квартирной усадьбы и шёпотом сказал, — Гавриил Елисеевич, мы вас благодарим за помощь в поимке

убийцы. В качестве награды я заметил для вас особый подарок: вы станете моей правой рукой! С таким человеком, с такой силой и чуткостью мы сможем многих бегущих преступников изловить! Я думаю, что вы довольны этой наградой! Не нужно благодарить, Гавриил Елисеевич!

— Я вынужден отказаться, Сергей Иванович, — ответил спокойно и холодно Гавриил на подарок, не долго думая, — Моей задачей лишь было поймать богоотступницу и спасти невинную душу. В награде я не нуждаюсь, особенно в такой. Мне не нужно того, от чего мне может быть дурно. Прощайте, Сергей Иванович! Рад был снова вас видеть! Надеюсь, что вы сдержите своё слово...

— Хм... да, конечно, Гавриил Елисеевич. Ваше право... Можете идти! Прощайте! — с довольной улыбкой проводил Гавриила Сергей Иванович. Гавриил вышел из квартирной усадьбы, а Сергей Иванович с улыбкой лисы лишь сказал про себя, поправляя рукава своего пиджака: «Что ж, Гавриил Елисеевич, ждёт вас завтра тогда другой подарок... Будьте счастливы!»

Сверчки поют, а совы ухукают. Луна освещает всё вокруг и Гавриил дошёл до своего дома спустя достаточно долгое время. Мимо него не прошло ни души, пока он шёл по посёлку Воронье. Медлительными и вялыми шагами он шёл домой, потому что он переглядывался то на опустошенные дома, то на яркое ночное небо, то на своё отражение в маленькой речке. Наконец-то ветер ему начал гладить волосы неж-

ной рукой. Шуршание листьев и травы играли сладкую колыбельную лунной богини.

Дверь в берлогу Гавриила закрипела нежной короткой песней и Гавриил наконец-то вошёл в свою берлогу. Он снял с себя свой костюм, кинул его в шкаф и одел на себя свои дряхлые портки; лёг на свою кровать и положил свои массивные руки за голову. В его лице выразилась какое-то невероятное спокойствие — он дико устал от этого каторжного дня: он сделал всё, что было в его силах. Конечно, его силы велики, но даже великий силач порой устаёт. Нет такого человека, который не устаёт. Бесовщина утомляет сильнее, чем изматывается Луна, когда питается ночной симфонией и всё никак не наестся. Гавриил, наконец, закрыл свои измотанные от прожитого очи и уснул крепким младенческим сном. Лишь луна накрыла его нежными и спокойными снами...

Глава 10

Воробьи запели по повелению яркого брата луны: солнца. Все существа, подобные жаворонкам, оживились в один миг; ветер дирижирует зелёным травам, изумрудным листьям и свободным птицам; речка играет своими волнами, как ребёнок играет игрушками.

Гавриил проснулся, благодаря этой весёлой симфонии: встав с кровати, он с наслаждением потянулся в разные стороны, кряхтя, как подобает старикам. Он одел всё своё дрянное одеяние коротким мигом. Всё в его доме заиграло, хотя иной даже подумает, что он просто с ума сошёл и оттого веселится и приплясывает. Выйдя на улицу, он вприпрыжку пошёл к ближайшей маленькой речке, где он набирает воду и умывается. А водичка—то холодная всегда заставляет полностью проснуться после сладкого сна! Одуванчики приплясывают, воробьи поют, свиристели нежно сверлят, ветер дирижирует воображаемой палочкой, а речка играет волнами, как на клавишах. А Гавриил лишь танцует от радости и поёт какие-то народные весёлые песенки, неведомые нам. Ох, как же весел сегодня у нас Гавриил! Счастье-то какое! Кто бы сплясал вместе с ним, с этим счастливым медведем? Я бы станцевал и спел ему ещё о какой-нибудь диве, приплясывая.

Вдруг, издалека слышится мгновенный грохот и оры, как несётся стадо буйволов в пустыне от стада гиен. Гавриил

прищурил глаза и увидел, что к нему бежит весь народ края Воронья и самый первый в ряду у них бежит Иннокентий. Пришли они к Гавриилу, как стада овец идёт к чабану.

— Иннокентий, здравствуй, дружище! — поприветствовал радостно Гавриил своего товарища, — А отчего здесь народ собрался? Если кому нужна помощь — обращайтесь! Буду рад только помочь!

Иннокентий лишь как-то взволнованно и грубо посмотрел на Гавриила и ответил:

— Здорово ты помог, Гаврюха! Я тебе доверился, рассказал о тайне своей и ты мне так решил помочь! Друзья, народ Воронья! — тут он повернулся к седым головам, — Этот человек воспользовался моим доверием и забрал у меня Елену! Мою любовь! Он воспользовался моим доверием и сам влюбился в мою возлюбленную! Он принудил её играть с ним в любовные игры!

Гавриил лишь в ступоре прокричал Иннокентию:

— Иннокентий, о чём ты говоришь? Ничего у меня не было и не будет с этой грешницей! И у тебя бы ничего не было с этой богоотступницей!

— Ври больше, Гаврюха! Чтобы доказать мою правоту — я покажу и расскажу то, что получил от самого Сергея Ивановича, участкового, который недавно приехал сюда! Слушайте внимательно! Ко мне сегодня домой пришёл он сам и сообщил, что Гавриил Елисеевич проследил за тем, куда я отправил Елену и он этим воспользовался для того, чтобы

поиграть с ней в любовь! Тьфу! — плюнул на землю с гневом Иннокентий, — А теперь я покажу вам доказательство! — он вытащил что-то из кармана и показал это всем, — Это — красная помада моей возлюбленной, Елены! Именно такой она всё время хранила у себя у сумочке и губы её сияли красным цветом! И эта помада оказалась у Сергея Ивановича, сказав, что она оставила после того, как она покинула дом, после посещения Гавриила!

Гавриил — не тот человек, которого мы знаем! Он — богоотступник и самый настоящий предатель! Я тебя совсем не узнаю, Гавриил... Ты убил и потерял моё доверие! Я тебе этого никогда больше не прощу! Слышишь? Не прощу! — с громким охрипшим криком кричал Иннокентий Гавриилу, — И народ Воронья от тебя отрекается! Мы пришли сюда лишь для того, чтобы изгнать тебя из наших земель навсегда! Если ты не уйдёшь — мы тебя здесь поколотим до смерти! Уходи! Уходи!

«Уходи! Уходи! Уходи!» — кричал народ Воронья вместе с Иннокентием Гавриилу. Гавриил лишь на всё это смотрел с удивлёнными и грустными глазами. Стоял и слушал эти крики он не долго, переглядываясь на каждое лицо, а затем опускал свой взор себе под ноги. Собравши всю свою волю в кулак, он поднял к ним голову и крикнул всему Воронью: — Хорошо! Будет по вашему! Будет по твоему, Иннокентий! Но нет моей вины в этом всё! Моей целью было лишь защитить невинного человека от грешника! Моей це-

лью лишь было защитить народ от беса! Нет во мне вины и нет в моих словах подлой лжи! Вам выбирать, верить мне или нет, но правда останется с тем, у кого правду увидел Господь! Я же уйду, но знайте, что я больше не вернусь! Вы избрали мою дорогу. Моя же задача — идти. Может когда-нибудь вы очнётесь, но ваше озарение будет уже слишком поздним. Прощайте, мои бывшие товарищи и мой бывший друг! Меня вы не увидите более, ибо я иду туда, где я ближе к отцу! Прощайте! Да и Бог с вами! — прокричал охрипшим голосом Гавриил народу Воронья, развернулся и отправился в неизвестный путь к густым лесам.

Народ так и продолжал кричать в его исчезающую спину: «Уходи! Уходи!» Вдруг, мимолётом безоблачное небо превратилось в пасмурное и тёмное и пошёл сильный дождь. Воробьи перестали петь, по той речке стучали маленькие капли дождя, а ветер дул Гавриилу в лицо. Пока народ кричал — Гавриила уже не было видно на горизонте. Остался же от него только деревянный дом, который всегда стоял за границей посёлка Воронья.

По пути Гавриил лишь встретил среди кучи леса небольшую церковь. Он посмотрел на золотой крест, где давно был распят Христос; перекрестился три раза, помолился шёпотом и пошёл дальше. А куда — и знать больше никто не знал...

Глава 11

Жизнь в Воронье уже много лет оставалась серой: дождь шёл, не умолкая, днём и ночью и ни одна птица больше не пела. Даже луна и солнце спрятались за облаками, как прячутся дети, играя в прятки. Ветер веял так, словно не находил себе места в Воронье: метался то туда, то сюда, как родитель, который потерял своего ребёнка и пытается звать кого-то на помощь, чтобы найти потерянное счастье. Кто-то из жителей посёлка ходил с зонтом по улице, кто-то, укутавшись плащом, бродил от дома до таверны и обратно; кто-то и вовсе не выходил из дома. В один миг просто всё перестало петь. Лишь дождь бьёт по земле, речке и по металлическим предметам разных видов, а гроза так и сверкает, гремя всё громче с каждым разом, порой затихая, но после всё громче кричала гроза.

Одна старушка вышла из маленького деревянного дома в такую погоду. Жила она на краю посёлка. Выглядела она, как все старушки края Воронья. Только была она чуть более полна, горбата и менее седая, но морщины так и покрывали её лицо. Она надела на себя небольшую курточку из шерстяной ткани и отправилась к границе. По дороге она почти никого не видела. Порой ей встречались люди, которые плотно укутывались в толстое одеяние. Дойдя близко к границе посёлка, она вдруг увидела один заброшенный деревянный

домик, в котором всё уже разрушено, а внутри было пыльно и крыша была пробита настолько, что весь пол был влажный. Ничего там не осталось. Только порой пьяницы туда приходили и спали, когда забывали дорогу домой. Загрустила в тот момент старушка, опустив свою печальные очи, но не долго она стояла и принялась отправиться далее.

Бродила она между двумя густыми и тихими лесами. Ветер сильно дул в опустошенные деревья и маленькие травки, что даже птицам не было где скрыться от такого сильного ветра и злобного дождя. Наконец, она нашла в гуще одного леса небольшую церковь, где на верхушке был на кресте распятый Христос. Перед тем, как войти, она перекрестилась три раза и после открыла гигантские скрипучие двери.

Войдя в церковь, можно было сказать, что он заброшенный: всё было поломано, вдребезги раздроблено, грязно, пыльно и было очень темно. Пол был мокрый и доски были влажные. Капли дождя капали на пол, потому как крыша была тоже в больших дырках, как живут дырки на старом сапоге. Одна только сальная свеча горела по середине зала, перед иконой Христа. Старушка подошла поближе, ещё перекрестилась и начала молиться.

Вдруг, из тени вышел человек, немного покашливая. Из-за его одеяния и по длинной седой бороде можно было понять, что это был старик. Надето на нём была тёмная фелонь, которая мешала видеть его глаза. Это был священник этой церкви. Удивительно, что в заброшенной церкви есть свя-

щенник, но у этого, видимо, есть свои причины.

— А, это вы, Святой Отец! — воскликнула шёпотом старушка, — а я к вам помолиться пришла.

Старик лишь взял одну единственную сальную свечку и подставлял к другим свечам, чтобы было немного светлее. Он ничего не ответил старушке.

— Можно же помолиться, Святой Отец? — спросила с улыбкой старушка.

— Можно, почему нельзя? — спокойно ответил священник, — Бог нас всегда слушает.

Тогда старушка приступила к долгой шёпотной молитве. Спустя минут пять она закончила молитву и обратилась к старику:

— Святой Отец, можно к вам обратиться кое о чём?

Недолго думая, старик всё же спокойно ответил:

— Можно, — и посадил на деревянный стул старушку и самого себя напротив неё.

Тогда, вздохнув, старушка начала рассказывать:

— Однажды из посёлка Воронья, который ближе всего к церкви, ушёл один хороший человек. Его звали Гавриилом Елисеевичем Богословским. Эту фамилию он получил, когда учился в церкви одного провинциального городка. Он был очень верующим человеком и он любил, когда я ему читала в детстве Библию. Гавриил был очень благородным человеком и всегда всем помогал в трудные минуты. Даже тем людям помогал, которые грешные до ужаса. Всем помогал и

в нём была такая сила, которой не было ни у кого больше. Гавриил был очень добрым человеком и сильным духом. Однажды, в один из ярких весенних дней, его за что-то прогнали из Воронья и я долго не могла прийти в себя после того, как я узнала, что он покинул нас. Я думала, что я с ума сойду, если я не скажу об этом хоть кому-нибудь. Вам я, Святой Отец, доверяю, но как мне быть? Я лишилась сына и я не знаю, жив ли он ещё. Я его не смогла защитить и меня постоянно не было рядом. Я согрешила... Что мне делать, Святой Отец?

Старик почесал свою седую бороду. Сидел он в раздумьях минуту примерно, что даже старушка успела пустить из своих очей маленькие слёзки, и затем он, вздохнув, ответил:

— В священном писании написано: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» И написано: «Мир и мирские желания проходят, но тот, кто исполняет Божью волю, живёт вечно» Ничего уже не изменить — Гавриил, сын твой, может никогда не вернуться. Однако тот, кто любит его, как он любит или любил Господа нашего, у того он будет жить вечно, даже при вечной мучающей разлуке. Тебе же, матушка, не стоит о нём беспокоиться. Если нет в нём греха, то Бог забрал его к

себе в рай. Если же есть в нём грехи, то может и чёрт забрать, но если после совершения греха искупить себя страданиями, то грех прощается. Гавриил Елисеевич Богословский будет жить в твоём сердце. Не убивай себя. Он бы очень опечалился, если бы узнал, что его родная мать умерла по его вине, — сказал спокойно старик и старушка даже немного расплакалась, что даже достала из своего платья носовой платок и несколько раз вытерла ими свои слёзы и высморкалась.

— Спасибо, Святой Отец, — ответила старушка, — Мне на душе лучше стало. Я пойду тогда. Бог с вами, Святой Отец! — она встала и поклонилась старику, уходя к гигантским дверям.

— Да благословит вас Господь! — ответил старик в тёмной фелони и старушка вышла из церкви, ещё раз помолившись.

Старик стал подходить к свечам и начал задувать каждую поочередно. «Прости, Господи, у меня нет иного пути. С Тобой буду и с Тобой мне и умереть» — пробормотал про себя старик, задувая последнюю свечку.

После того, как задулась последняя свеча и старушка ушла от церкви достаточно далеко, то колокол прогремел восемь раз и наступила ласковая тишина. Дождь успокоился, гром перестал греметь и ветер обрёл свой покой. А старик лишь ушёл в свою конуру и лёг на свою деревянную кровать, глубоко вздыхая... Возвысился в церкви негромкий храп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.